

Е.Н. СУВОРКИНА

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ДЕТСКОГО И ВЗРОСЛОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА

Елена Николаевна Суворкина,

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
Научная библиотека,
сектор систематизации,
заведующая
Свободы ул., д. 46, Рязань, 390000, Россия

кандидат культурологии
E-mail: suvorkina@list.ru

Реферат. В статье, посвященной детскому и взрослому словотворчеству, ставится цель показать несостоятельность утверждения, что словотворчество — «несерьезный» процесс, свойственный только детям по причине бедности их словарного запаса. Словотворчество характерно и для взрослых. Общим основанием для разновозрастного словотворчества является единый механизм, который осуществляется посредством актов опредмечивания — распредмечивания — сотворчества. Важное значение для изучения детского языка — конвенционального языка субкультуры детства — имеют дневниковые записи родителей. Показано, что всплеск интереса к этой форме фиксации образцов-оказионализмов относится к 1920-м гг., что совпадает с расцветом краеведения. Проведена аналогия между культурой отношений «мир детства — мир взрослых» и «столица — провинция», позволяющая утверждать, что мир детства не менее богат, культурно насыщен, чем мир взрослых. Но такая уникальность все чаще подавляется средствами массовой информации, которые оказывают сильное воздействие на ребенка. Это приводит в ряде случаев к неправильному выбору словесной модели, в соответствии с которой конструируется слово. В целом язык ребенка логичен, последователен, экономичен. Его номинация не требует уточнений, тогда как во взрослом языке пояснение одного понятия содержит

термины, требующие, в свою очередь, дополнительных интерпретаций. Детское словообразование связано с детским фольклором, поскольку первое выступает основой и инструментом для второго.

Ключевые слова: словотворчество, детское словотворчество, взрослое словотворчество, опредмечивание, распредмечивание, сотворчество, окказионализмы, ребенок, субкультура детства.

Для цитирования: Суворкина Е.Н. Культурологические основания процессов детского и взрослого словотворчества // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 665—669.

Словотворчество — процесс создания новых слов, пополнение словаря национального языка новыми словами. Существует мнение, что «несерьезным» процессом словотворчества могут заниматься лишь «несерьезные» дети по причине бедности своего языка и стремления к нарушению любых правил и норм. Такая позиция свидетельствует о дилетантизме заявителя и некомпетентности в вопросах языкознания, литературоведения. Поскольку такая точка зрения встречается и в наши дни, то важно показать ее несостоятельность.

«Мы еще дети в технике речи, а беремся в произведениях за решение всех поголовно вопросов мироздания и стыдимся поучиться искусству, как таковому» (орфография и пунктуация сохранены. — Е. С.) [1]. Приведенная цитата — выдержка из работы А. Крученых «Сдвигология русского стиха», в которой он обозначил ведущие принципы развития литературы в рамках футуризма. А. Крученых считал детское словотворчество неким образчиком творения Слова, максимально точно выражающим Мысль, Идею. Современный исследователь В.Т. Кудрявцев подмечает ту же особенность: «За детским словотворчеством... сто-

ит обостренное семантическое чутье — чутье смысла, который потенциально может передать слово» [2, с. 86].

КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК СУБКУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА

Детское словотворчество является одним из базовых элементов обыденного уровня структуры субкультуры детства. Как процесс оно самоценно и не самоцельно, его природа естественна. Создавая новое слово, ребенок не сверяется с какими-либо письменными правилами, положениями. Напротив, на основе анализа большого объема детских окказионализмов ученые обнаруживают общие свойства, характеристики, присущие в целом детскому словотворчеству. В частности, как было установлено лингвистами, формы настоящего времени образуются от основы императива («давает», «встает») [3, с. 254]. Нередки случаи детской паронимии, использования близких по звучанию слов, которые не обязательно являются однокоренными. Интересные примеры этого языкового явления приводит в своих воспоминаниях актриса Рина Зеленая, любившая и ценившая детей: «Там, в зоопарке, один был белый, а другой был бурный медведь», «Мама, дай мне бутерброд с *величиной*» [цит. по: 4, с. 98].

Но более ценным для нас будет общий вывод, который делает С.Н. Цейтлин, тщательно изучив специфику «детской» лингвистики: «...в речи разных детей, осваивающих один и тот же язык, есть много общего (это проявляется, в частности, и в совпадении детских ошибок), что позволяет считать их индивидуальные языковые системы некоторыми вариантами общего детского языка. <...> Этот временный детский язык можно рассматривать как обработанную ребенком и приспособленную к его нуждам и возможностям упрощенную копию конвенционального (нормативного, “взрослого”) языка» [3, с. 25].

Это заключение является особенно важным для доказательства утверждения об автономности субкультуры детства, одной из ведущих концепций И.С. Кона. Рассматривая мир детства как независимую социокультурную реальность, он указывал, что она обладает своим языком, традициями, структурой, функциями [5, с. 63]. Это позволяет говорить о наличии собственной культуры, ее обособленности и самоценности. Мир детства не менее богат, чем мир взрослых. Проблема заключается в том, что последний отказывается признавать данный факт.

Детский язык — это конвенциональный язык субкультуры детства. По аналогии со взрослым

его также целесообразно изучать в рамках следующих выделенных разделов: фонетика, фонология, грамматика (морфология, словообразование, синтаксис), лексикология, фразеология и пр. Как правило, такое исследование относится к области сравнительного языкознания, поскольку его специфику возможно понять только в сопоставлении со взрослым языком. По существу, даже моноязычное общество можно признать билингвальным из-за сосуществования детского и взрослого языков. Первый язык — временный, если рассматривать его относительно этапов онтогенеза. Он преходящий, но вместе с тем обязательный для каждого человека, не имеет письменного эквивалента до 5–6 лет. До этого времени он более всего подвержен угрозе быть незамеченным, проигнорированным и забытым. Наиболее популярной формой его фиксирования остается ведение родителями дневников, которые старательно записывают начальные этапы говорения, интересные образцы «речетворчества» (понятие П.А. Флоренского [6, с. 153–197]).

Вначале это приобретает черты фольклорной экспедиции. Действительно, и в том и в другом случае без соответствующих записей целые пласты культуры были бы утеряны. Вдвойне угроза представляется детскому фольклору — еще одному элементу обыденного уровня субкультуры детства. Но, следует заметить, в этой области проведены весьма обширные исследования, первые образцы были собраны в XIX веке. Наличие большого материала позволило классифицировать детский фольклор: смеховой, обрядовой, игровой, школьный, словесные игры [7]. А на стыке обыденного и специализированного уровней сформировался материнский фольклор, представленный колыбельными песнями, пестушками, потешками, прибаутками и пр. При этом детский фольклор и детское словообразование взаимосвязаны, поскольку второе выступает основой и, в том числе, инструментом для первого.

РОДИТЕЛЬСКИЕ ДНЕВНИКИ И КРАЕВЕДЕНИЕ 1920-х ГОДОВ

Родительские дневниковые записи появились в России позже, чем в европейских странах. Особую востребованность они получили в 1920-е годы. Интересно, что это совпало с расцветом краеведения в России. Но случайность ли это или закономерность? Революция, гражданская война инициировали радикальное изменение социокультурной ситуации. Прежние нормы и ценности были поставлены под сомнение. С лик-

видацией дворянства пришла в упадок и усадебная культура, «дворянские гнезда». Имена национализированы, разграблены, часть имущества легла в основу фондов краеведческих музеев.

Само краеведение в это время было нацелено на изучение не только революционной истории местности, но и предыдущих ее периодов. Ученые архивные комиссии делали многое для сохранения усадеб, документов, предметов интерьера. В период, который принято обозначать как «золотое десятилетие» советского краеведения», как точно выразился С. Шмидт, произошел поворот от культуры столиц к культуре провинций [8]. Энтузиасты собрали большое количество материалов, свидетельствовавших об уникальности местности, ее особенностях, неповторимости и значимости для общероссийской истории. Проблема заключается в том, что такая демонстрация своеобразия областей стала противоречить идеологии молодой страны — все равны, в том числе ее административные единицы, что и привело к разгрому краеведения в 1929 году. Следует подчеркнуть, провинция была противопоставлена столице. Не только за последней признавали наличие богатой культуры, огромных интеллектуальных ресурсов в лице выдающихся писателей, художников. Теперь эти характеристики стали применимы и к провинции. Особого внимания требуют провинциальные культурные гнезда — яркие очаги местной культуры.

По аналогии с этим утверждается теория противопоставления мира детей миру взрослых на основе последовательного доказательства наличия богатой, уникальной культуры первого, не уступающего по своим достоинствам второму.

Думается, что общие центробежные силы 1920-х гг. проявились не только в краеведении, но и в лингвистике, языкознании. Язык детей стал записываться, поскольку начало приходить осознание его самоценности. Осуществлялся постепенный поворот к ребенку, взрослый учился его слышать. В этот период, что теперь представляется закономерным, и произошел взрыв интереса к языку ребенка в новой, советской России.

Анализ специфики механизмов детского словотворчества следует предоставить специалистам — лингвистам; изучение же культуры процесса целесообразно провести с культурологической точки зрения.

ОПРЕДЕМЧИВАНИЕ — РАСПРЕДЕМЧИВАНИЕ — СОТВОРЧЕСТВО

Важными процессами деятельности выступают, согласно позиции В.Г. Ерохина, опредмечивание, распредемчивание, сотворчество [9, с. 29–31]. Особое значение они имеют для словотворчества. Опредемчивание — процесс воплощения (заключения) идеи в продукт физического или умственного труда. Распредемчивание — процесс распознавания мысли, идеи, заключенной в каком-либо продукте физического или умственного труда. В.Г. Ерохин считал, что распредемчивание осуществляется в тандеме с третьим уникальным процессом — сотворчеством — актом сопричастного распредемчивания, осуществляемого другим человеком.

Думается, что сотворчество присутствует не только при распредемчивании, но и опредмечивании. Например, при написании научной статьи в соавторстве каждый из авторов должен не только зафиксировать в работе свою идею, но и понять (распредеметить) мысль другого и затем вместе попытаться в процессе сотворчества дать наиболее точную формулировку понятию, теории, концепции и пр., т. е. предметного воплощения (опредмечивания) научной мысли.

Схематично взаимосвязь идеи и предмета посредством указанных процессов представлена на рис. 1, более упрощенная схема — на рис. 2.

В детском и взрослом словотворчестве эти процессы являются основополагающими. Опредемчивание визуальной картины мира находит выражение в языковой картине мира. Особо интересны в этом отношении «лепые нелепицы», переверты-

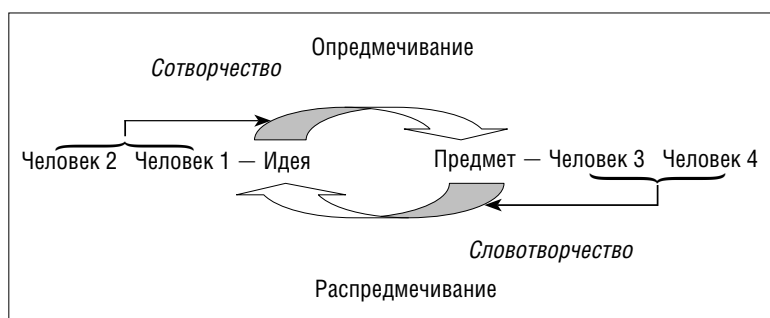

Рис. 1

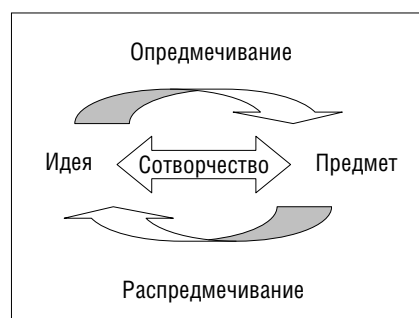

Рис. 2

ши, которые с особой любовью и вниманием рассмотрел К.И. Чуковский [10].

РАСШИРЕНИЕ ЯЗЫКА: СТРАТЕГИИ РЕБЕНКА И ВЗРОСЛОГО

Следует заметить, что в ряде случаев словообразовательные инновации ребенка не являются инновациями как таковыми. Так, в книге «От двух до пяти» К.И. Чуковский приводит примеры окказионализмов, которые в речи взрослого относятся к числу архаизмов. Например, «пленил» — взял в плен другого играющего мальчика — война [10, с. 39].

Интересен следующий факт: А.И. Солженицын считал, что лучшим средством языкового обогащения является введение заново в оборот устаревших слов (архаизмов), которые могут точно номинировать современные процессы, явления и т. п. В объяснении к «Русскому словарю языкового расширения» А.И. Солженицын, составитель словаря, пишет: «Лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утраченных богатств» [11, с. 3]. В частности, он приводит два слова, относящихся к одному родовому гнезду с приведенным выше детским примером «пленил»: «пленничий» и «пленничество» [11, с. 175]. То есть дети, сами того не ведая, следуют идее А.И. Солженицына, используя устаревшие слова. Это объясняется тем, что именно они часто выступают наиболее точной и лаконичной номинацией, иногда служат основой для образования новых частей речи.

Язык детей — очень экономичный, точный и... правильный. С позиции ребенка, именно взрослый нарушает положения, принципы, которые он же придумал, о чем в свое время говорил и К.И. Чуковский. С.Н. Цейтлин в подтверждение этого вывода приводит многочисленные примеры. Так, по аналогии со словом «учитель» должен быть «куритель», а не «курильщик» [12, с. 168].

Неправильный выбор словесной модели, в соответствии с которой конструируется слово, объясняется не только индивидуальной картиной мира, включающей языковую. Сильное воздействие оказывают средства массовой информации. Муссирование какой-либо политической или социальной темы связано с частым употреблением одних и тех же слов, клише, поэтому ребенок с большей долей вероятности будет ориентироваться на модель слова, часто повторяемого в СМИ. При этом под такое влияние попадает не только маленький ребенок, но и подросток. Покажем это на следующем примере.

В 2014 г. в связи с событиями на Украине резко возросло употребление ряда слов: санкции, ополченцы, нацгвардия, гуманитарный конвой, беженцы и пр. В обычной русской семье мама проверяла у девочки Вероники Д. (12 лет) домашнее задание по русскому языку, тематическое связанное с Великой Отечественной войной. Мама заставила дочь несколько раз прочитать то, что она написала, и каждый раз получала ответ «однопольчане», в то время как в тетрадке ее же рукой было выведено «однопольченцы» — аналог слова «ополченцы». Заметим, что возраст ребенка уже не входит в ту временную шкалу, когда процесс словотворчества еще активен. Но воздействие СМИ, информационное давление инициировали подмену нужных словообразовательных моделей. В таком случае приходится говорить не о свободном детском словотворчестве, а о его искусственности, обусловленной интенсивной интеграцией взрослого миропонимания в детское, его искажение и депривацию.

Язык ребенка логичен, последователен. Его номинация не требует уточнений, тогда как во взрослом языке пояснение одного понятия содержит термины, требующие, в свою очередь, дополнительных разъяснений. Очень показателен в этом отношении так называемый канцелярит — язык, содержащий большое количество языковых штампов, клише, искусственных конструкций, присутствующих официально-деловому стилю. В таких публикациях («массовая наука») текст становится тяжело воспринимаемым по тем же причинам, которые усугубляются наличием громоздкого терминологического аппарата, преследующего цель не прояснить смысл, а скрыть его. В этом состоит, по мнению Б. Жукова, одно из отличий научного языка от «наукаканцелярита» [13, с. 42].

Даже если говорить об исключительно научных изысканиях, потребность в пояснении отдельных терминов в составе самого определения во многих случаях очевидна. Ребенок же нацелен исключительно на максимально точное, емкое обозначение. При этом его удивляет, а иногда и обижает то, что взрослый, во-первых, отрицает право на существование предложенной им номинации, во-вторых, требует каких-то уточнений.

Таким образом, детское словотворчество как важный элемент обыденной практики субкультуры детства не является «несерьезным» процессом, обусловленным бедностью языка ребенка. Оно самоценно, но не самоцельно, тогда как взрослое словотворчество самоцельно. Общим основанием служит единый механизм, основанный на актах опредмечивания, распредмечивания, сотворчества.

Список источников

1. Крученых А. Сдвигология русского стиха. Репринт. воспроизв. изд. 1922 г. Санкт-Петербург, 2013. 48 с.

2. Кудрявцев В.Т. Произвол, штампы сознания и воображение // Журнал практического психолога. 2016. № 1. С. 85–108.
3. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. Москва, 2009. 592 с.
4. Зеленая Р. Разрозненные страницы. Москва, 2016. 448 с.
5. Кон И.С. Ребенок и общество. Москва, 2003. 336 с.
6. Флоренский П.А. У водоразделов мысли : (Черты конкретной метафизики). Т. 1. Москва, 2013. 684 с.
7. Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор. Москва, 2002. 320 с.
8. Шмидт С. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество : Краеведческий альманах. Вып. 1. Москва, 1990. С. 11–27.
9. Ерохин В.Г. Теория культуры. Рязань, 1996. 182 с.
10. Чуковский К.И. От двух до пяти. Москва, 1990. 384 с.
11. Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. Москва, 1995. 272 с.
12. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. Москва, 2000. 240 с.
13. Жуков Б. Науканцелярит. Формулы и выражения // Знание — Сила. 2014. № 3. С. 40–45.

CULTURAL FOUNDATIONS OF THE PROCESSES OF ADULT AND CHILDREN'S WORD CREATION

ELENA N. SUVORKINA

S.A. Yesenin Ryazan State University, 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia
E-mail: suvorkina@list.ru

Abstract. *The article aims to show the groundlessness of such a point of view as that the creation of new words is a “not serious” process, peculiar only to children for the reason of poverty of their vocabulary. The creation of words is typical for adults as well. A common basis for the word creation in different ages is a uniform mechanism carried out through the acts of objectification — disobjectification — co-creation. The diary records made by parents are of great importance for the study of children’s language — the language of conventional subculture of childhood. The article shows that the surge of interest in this form of fixing of the samples of occasionalism refers to the 1920s, which corresponds to the flourishing of local lore study. The author draws an analogy between the culture of relations “world of childhood — world of adults” and “capital — province”, proving that the world of childhood is not less rich and culturally saturated than the world of adults. However, this uniqueness is being increasingly suppressed by the mass media, which have a strong influence on the child. In many cases, it leads to a wrong choice of the verbal model according to which the word is constructed. In general, the child’s language is logical, consistent, and economical. Its nomination does not need clarifications, while in the adult language, the explanation of concept contains terms that require, in their turn, additional interpretations. The children’s word formation is associated with the children’s folklore, because the former serves as a basis and a tool for the latter.*

Key words: word creation, children’s word creation, adult word creation, objectification, disobjectification, co-creation, occasionalisms, child, subculture of childhood.

Citation: Suvorkina E.N. Cultural Foundations of the Processes of Adult and Children’s Word Creation, *Observatory of Culture*, 2016, vol. 13, no. 6, pp. 665–669.

References

1. Kruchenykh A. *Sdvigologiya russkogo stikha* [Shiftology of the Russian Verse], reprint of the edition of 1922. St. Petersburg, 2013, 48 p.
2. Kudryavtsev V.T. Proizvol, shtampy soznaniya i voobrazhenie [Outrage, Stamps of Consciousness, and Imagination], *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of the Practical Psychologist], 2016, no. 1, pp. 85–108.
3. Tseitlin S.N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on the Words and Forms Creation in the Children’s Speech]. Moscow, 2009, 592 p.
4. Zelenaya R. *Razroznennnye stranitsy* [Scattered Pages]. Moscow, 2016, 448 p.
5. Kon I.S. *Rebenok i obshchestvo* [The Child and Society]. Moscow, 2003, 336 p.
6. Florenskii P.A. *U vodorazdelov mysli: (Cherty konkretnoy metafiziki)* [At the Watershed of Thought: (The Features of Specific Metaphysics)], vol. 1, Moscow, 2013, 684 p.
7. Kapitsa F.S., Kolyadich T.M. *Russkii detskii fol’klor* [Russian Children’s Folklore]. Moscow, 2002, 320 p.
8. Shmidt S. “Zolotoe desyatiletie” sovetskogo kraevedeniya [The “Golden Decade” of the Soviet Local Lore Studies], *Otechestvo: Kraevedcheskii al’manakh* [Fatherland: the Local History Almanac], issue 1, Moscow, 1990, pp. 11–27.
9. Erokhin V.G. *Teoriya kul’tury* [Theory of Culture]. Ryazan, 1996, 182 p.
10. Chukovsky K.I. *Ot dvukh do pyati* [From Two to Five]. Moscow, 1990, 384 p.
11. Solzhenitsyn A.I. (ed.) *Russkii slovar’ yazykovogo rasshireniya* [Russian Dictionary of Language Expansion]. Moscow, 1995, 272 p.
12. Tseitlin S.N. *Yazyk i rebenok. Lingvistika detskoj rechi* [The Language and Child. Linguistics of the Children’s Speech]. Moscow, 2000, 240 p.
13. Zhukov B. *Naukantselyarit. Formuly i vyrazheniya* [Naukantselyarit. Formulas and Expressions], *Znanie — Sila* [Knowledge Is Power], 2014, no. 3, pp. 40–45.